

КЕННЕТ ГРЭМ

ВЕТЕР В ИВАХ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г91

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *И. Дорониной*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Иллюстрации *Артура Рэкема*

Грэм, Кеннет.

Г91 Ветер в ивах : [повесть] / Кеннет Грэм ; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-159133-5

Крот, Водяной Крыс, Барсук и Жаб — неразлучные друзья, которые переживают вместе множество веселых, озорных, а порой и чуть сюрреалистических приключений, празднуют Рождество, воздают должное автомобильному спорту и даже отважно сражаются с четвероногими бандитами. И каждая страница походов дружной четверки наполнена добродушным юмором и несравненным колоритом старой Англии с ее прекрасными пейзажами, очаровательно старомодными нравами и прославленными традициями.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. И. Доронина, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Глава I НА РЕЧНОМ БЕРЕГУ

Все утро Крот усердно трудился, делая весеннюю уборку своего маленького дома. Сначала подметал веником полы, потом вытирал пыль тряпками; потом, взбираясь то на стремянку, то на стул с кистью и ведром известки, белил стены, пока пыль не забила ему горло и не запорошила глаза, известка не забрызгала всю его черную шкурку, а спина и руки не разболелись от усталости. Приближение весны ощущалось и наверху, в воздухе, и внизу, под землей, и везде вокруг; это ощущение проникало даже в его темный непритязательный домик, наполняя его духом беспокойства и томления. Поэтому неудивительно, что Крот вдруг швырнул веник на пол, сказал:

— Надоело!

Потом добавил:

— Хватит!

И еще:

— Провались она пропадом, эта весенняя уборка!

И бросился прочь из дома, не удосужившись даже надеть пальто. Что-то там, наверно, властно манило его, и он стал взбираться по крутому узкому тоннелю, который в его случае заменял посыпанную гравием подъездную дорожку, какие бывают у зверей, чьи дома располагаются ближе к солнцу и воздуху. Он цеплялся когтями за стенки, царапался, карабкался и протискивался, и снова цеплялся, царапался, карабкался и протискивался, упорно работая маленькими лапками и бормоча:

— Давай! Ну давай же!

Пока наконец — хоп! — его мордочка не вынырнула на солнечный свет, и в следующий момент он уже поймал себя на том, что катается по теплой траве на широком лугу.

— Чудесно! — сказал он себе. — Это гораздо лучше, чем белить стены!

Солнце жарко припекало шкурку, прохладный ветерок ласкал разгоряченный лоб, и веселый птичий щебет обрушился на слух, притупившийся за время долгого одинокого пребывания Крота в подземном заточении, словно гром небесный. Мгновенно вскочив на все четыре лапы, радуясь жизни и наслаждаясь весной, не омраченной необходимостью делать уборку, он помчался через луг и бежал, не останавливаясь, пока не достиг кустов, обрамлявших его дальний край.

— Стоять! — крикнул пожилой кролик, высываясь из заросли. — Шесть пенсов за право прохода по частной дороге!

Однако мгновение спустя он в полном замешательстве уже смотрел вслед Кроту, который как ни в чем не бывало, презрительно и даже с раздражением продолжил свой путь вдоль живой изгороди, посмеиваясь над другими кроликами, поспешно высовывавшими головы из своих норок, чтобы узнать, что происходит.

— Лукового вам соуса! Лукового вам соуса! — глумливо поприветствовал их Крот — и был таков прежде, чем они успели придумать достойный ответ. Тут кролики начали упрекать друг друга:

— Эх ты, *тугодум!* Почему ты не ответил ему...

— А *ты-то* сам чего молчал?!

— Нужно было напомнить ему...

И так далее, все как обычно. Но, разумеется, было слишком поздно, как всегда в подобных случаях.

Все вокруг было так прекрасно, что казалось нереальным: повсюду — и на просторах лугов, по которым он деловито шагал вдоль живых изгородей, и в перелесках — строили гнезда птицы, набухали бутонами цветы, выстреливали листьями почки деревьев; все излучало радостную озабоченность и жизненную энергию. И вместо того, чтобы испытывать угрызения совести, нашептывавшей ему: «А как же побелка?» — Крот чувствовал лишь

восторг оттого, что он — единственное праздное существо среди всех этих трудолюбивых сограждан. В конце концов, лучшая часть безделья состоит не в том, чтобы отдыхать самому, а в том, чтобы наблюдать, как трудятся другие.

Он уж было подумал, что более счастливым быть невозможно, как вдруг, бесцельно петляя по лугу, очутился на берегу по-весеннему полноводной реки. Никогда в жизни он не видел реку — это глянцево-блестящее, извилистое, упитанное животное, которое, посмеиваясь, несло куда-то, с урчанием хватая и с хохотом отшвыривая по пути все, что попадалось, бросаясь на все новых товарищей по игре взамен тех, что вырвались из его объятий, лоя и отпуская их снова и снова. Все трепетало и брезжило, мерцало, искрилось, бликовало, закручивалось маленькими вдоворотиками, ворковало и булькало. Крот был ошеломлен, зачарован, околдован. Он засеменял вдоль берега, как малыш, замороженный волшебной историей, которую ему рассказывает ведущий его за руку взрослый. Утомившись наконец, он уселся на берегу, между тем как река продолжала рассказывать ему нескончаемую череду сочиненных в самом сердце земли лучших в мире сказок, которые ей надлежало донести в конце пути до ненасытного моря.

Сидя так на траве и глядя на противоположный берег, он заметил темное отверстие в земле, прямо над кромкой воды, и стал умиротворенно размыш-

лять о том, какое прелестное уютное жилище можно было бы устроить там для неприхотливого животного, которому нравится жить у реки: вдали от шума и пыли, над уровнем паводка. Пока он глядел в эту дыру, в глубине ее сверкнуло что-то маленькое, но яркое, исчезло, потом снова сверкнуло, как маленькая звездочка. Однако вряд ли это могла быть звезда — место уж больно для звезд неподходящее, и для жука-светляка оно было слишком мало и слишком ярко. Потом он заметил, как огонек моргнул, и понял, что это глаз; постепенно вокруг глаза, как рамка вокруг картинки, стала вырисовываться маленькая мордочка.

Коричневая, с усиками. Серьезная, круглая, с тем самым мерцанием в глазу, который первым привлек его внимание. С аккуратными маленькими ушками и густым шелковистым мехом надо лбом.

Водяной Крыс!

Зверьки встали, каждый на своем берегу, и внимательно оглядели друг друга.

— Привет, Крот! — сказал Водяной Крыс.

— Привет, Крыс! — ответил Крот.

— Хочешь перебраться на этот берег? — поинтересовался Крыс после паузы.

— Легко сказать — *хочешь*, — ответил Крот немного капризно. Здесь, у реки, он был новичком и не знал местных обычаев.

Не тратя слов даром, Крыс наклонился, отвязал веревку, потянул ее на себя и легко ступил

в маленькую лодочку, которой Крот раньше не заметил. Лодка была голубой снаружи, белой внутри и рассчитана как раз на двух зверьков; она сразу же покорила сердце Крота, хотя он пока не совсем понимал, какая в ней польза.

Ловко гребя веслами, Крыс быстро переплыл реку, пристал к берегу, протянул сбежавшему к кромке воды Кроту переднюю лапу и сказал:

— Держись за мою руку! А теперь живо спускайся в лодку!

И Крот, к собственному удивлению и восторгу, в следующий миг оказался сидящим на корме настоящей лодки.

— Какой невероятно чудесный день! — воскликнул он, когда Крыс оттолкнулся от берега и снова взялся за весла. — А знаешь, я ведь еще никогда в жизни не плавал в лодке!

Крыс был *водяной* крысой. *Водяной!* Поэтому у него от изумления чуть не отвалилась челюсть.

— Что?! — вскричал он. — Ты никогда не... никогда не... Я потрясен! А чем же ты тогда занимался?

— Наверное, это очень приятное занятие? — не обратив внимания на вопрос, предположил Крот, откинувшись на спинку кормовой скамьи, хотя сам уже убедился в этом, обозревая борты, весла, уключины и прочие лодочные приспособления и ощущая, как лодка легко покачивается под ним.

— Приятное?! Да это *единственное* стóящее занятие, — торжественно произнес Крыс, наклоняясь вперед и загребая веслами. — Поверь, мой юный друг, *ничто*, абсолютно ничто не может сравниться с удовольствием просто плавать на лодке. Просто плавать, — мечтательно повторял он, — просто плавать на лодке... плавать на лодке...

— Осторожно! Берегись! — вдруг крикнул Крот.

Но было уже поздно. Лодка со всего маху врезалась в берег, и в следующий миг замечтавшийся счастливый гребец уже лежал на ее дне, болтая ногами в воздухе.

— ...плавать на лодке... или *валяться в лодке*, — невозмутимо закончил Крыс, вставая и довольно смеясь. — Плавать или валяться — не имеет значения. В этом-то и прелесть — ничто не имеет значения: уплываешь ли ты от чего-то, приплываешь ли в место назначения или вообще неизвестно куда, все неважно; важно, что ты всегда занят, ничего конкретно не делая. А когда ты это «ничего конкретно» сделал, всегда найдется что-то другое, и ты можешь заняться этим, если захочешь, а не захочешь — так и не надо. Послушай, если у тебя сегодня утром нет других дел, может, поплаваем по реке вместе и хорошо проведем день?

В полном восторге от предложения Крот пошевелил пальцами на ногах, сделал глубокий вдох, расправив грудь, и блаженно откинулся на мягкие подушки.

— *Какой чудесный денек у меня выдался!* — воскликнул он. — Поплыли немедленно!

— Тогда подожди меня тут минутку! — сказал Крыс. Он привязал веревку к скобе причального столбика, вскарабкался ко входу в свой домик и спустя недолгое время вернулся, сгибаясь под тяжестью весьма объемной плетеной корзинки с едой.

— Поставь у себя в ногах, — сказал он, передавая ее Кроту, потом отвязал лодку и снова сел на весла.

— А что в ней? — поинтересовался Крот, ерзая от любопытства.

— В ней холодный цыпленок, — ответил Крыс и продолжил быстро перечислять: — Холодный язык, холодный окорок, холодный ростбиф, маринованные корнишоны, французские булочки, бутерброды с кресс-салатом, тушенка, имбирный лимонад, газированная вода...

— Ой, хватит, хватит! — вскричал Крот в экстазе. — Это слишком много.

— Ты в самом деле так думаешь? — серьезно спросил Крыс. — Это лишь то, что я всегда беру с собой на такие вылазки; и другие звери еще говорят, что я скупердяй, поэтому рассчитываю все *в обрез!*

Но Крот не слышал ни слова из того, что говорил Крыс. Поглощенный новой жизнью, разворачивавшейся вокруг, опьяненный сверканием вод-

ной ряби, запахами, звуками и солнечным светом, опустив лапку в воду, он грезил наяву. Крыс, как понятливый друг, неторопливо греб, стараясь не беспокоить его.

— Мне ужасно нравится твой наряд, старина, — все же заметил он спустя не менее получаса. — Я и сам хочу занять черный бархатный смокинг когда-нибудь, как только смогу это себе позволить.

— Прошу прощения, — ответил Крот, не без усилий возвращаясь к действительности. — Ты наверняка счел мое поведение невежливым, но все это так ново для меня. Значит... вот они какие... реки!

— Не реки, а Река, — поправил его Крыс.

— А ты в самом деле живешь прямо у реки? Какая счастливая жизнь!

— Уреки, с рекой и на реке, — уточнил Крыс. — Она заменяет мне братьев и сестер, тетюшек и друзей, кормит меня, поит и (естественно) моет. Это — мой мир, и другого я не желаю. Если чего-то в ней нет, значит, того мне и не надо, и если она чего-то не знает, значит, оно того и не стоит. Господи! Как хорошо нам с ней вместе! Зимой и летом, весной и осенью — в любое время года у нее есть свои развлечения и радости. В феврале, когда случаются наводнения, мои погреба и подвал до краев заполняются водой, и это плохо, коричневая вода плещется прямо в окно моей лучшей спальни, но, когда уровень воды снова падает, обнажаются

заиленные участки земли, которые пахнут, как рождественский пудинг, камыши и водоросли забивают протоки, и я могу, не замочив ног, копаться в обнаженной части русла, отыскивая свежую еду и вещи, которые беспечные люди роняют с лодок!

— А не бывает порой скучновато? — отважился предположить Крот. — Только ты и река, не с кем и словом перемолвиться.

— Не с кем? Не хотелось бы быть слишком строгим к тебе, — снисходительно сказал Крыс, — ты тут новичок и, конечно, многого не знаешь, но в наши дни берега так плотно заселены, что кое-кто даже перебирается в другие места. Да, теперь совсем не так, как было прежде. Выдры, зимородки, чомги, шотландские куропатки — всем им вечно что-то от тебя нужно, как будто у тебя нет собственных дел!

— А что — *там*? — спросил Крот, указывая лапкой на лес, темневший за заливными лугами, тянувшимися вдоль реки.

— Там? О, это просто Дремучий лес, — коротко ответил Крыс. — Мы стараемся туда не ходить, мы ведь прибрежные жители.

— А те... те, кто там живут, они что, не слишком *дружелюбные*? — немного нервничая, спросил Крот.

— Ну-у... Дай подумать, — ответил Крыс. — Белки — они нормальные. И кролики тоже — во всяком случае, некоторые из них. Но среди кроли-

ков встречаются разные. Ну и, конечно, Барсук. Он живет в самом сердце леса и не стал бы жить ни в каком другом месте, даже если бы ему за это платили. Добрый старый Барсук! *Ego* никто не посмеет тронуть. Лучше и не пытаться, — добавил Крыс многозначительно.

— А кому нужно его трогать? — спросил Крот.

— Ну, есть там кое-кто, — не очень уверенно произнес Крыс. — Ласки... горностаи... лисы... еще некоторые. Вообще-то они ничего... Я с ними дружу, мы мирно беседуем, когда встречаемся, но иногда они срываются с катушек, этого нельзя отрицать, и тогда... в общем, особо им доверять не стоит, это факт.

Кроту было хорошо известно правило звериного этикета: нельзя не только обсуждать возможные будущие неприятности, но даже намекать на них, поэтому он сменил тему.

— А за Дремучим лесом что? — спросил он. — Там, где в синей дымке виднеется что-то вроде гор, а иногда кажется, что это дым над городом. Или это просто облака плывут?

— За Дремучим лесом — Дикий мир, — объяснил Крыс. — Но это уже не имеет значения ни для тебя, ни для меня. Я там никогда не бывал и не собираюсь, тебе тоже не советую, если у тебя есть хоть капля здравого смысла. И пожалуйста, не будем никогда об этом даже говорить. Ага! Вот наконец и запруда, тут мы с тобой пообедаем.